

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

СЭМЮЕЛ ДИЛЭНИ

Нова
•
Да, и Гоморра

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 46

Samuel R. Delany

NOVA

Copyright © 1968 by Samuel R. Delany

AYE, AND GOMORRAH, AND OTHER STORIES

Copyright © 1969, 1971, 1981, 1988, 1991 by Samuel R. Delany

All rights reserved

Перевод с английского

Татьяны Боровиковой, Николая Караева,
Марины Клеветенко, Геннадия Корчагина,
Владимира Кучерявкина, Светланы Силаковой

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Стефана Мартиньера

- © Т. П. Боровикова, перевод, примечания, 2021
- © Н. Караев, перевод, 2021
- © М. В. Клеветенко, перевод, примечания, 2021
- © Г. Л. Корчагин, перевод, примечания, 1992, 2021
- © В. И. Кучерявкин, перевод, 2002
- © С. В. Силакова, перевод, 2014
- © Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15999-0

Нова

Бернарду и Иве Кэй

Благодарности

Автор благодарен Хелен Адам и Расселу Фицджеральду за бесценную помощь в части проблем с легендами о Граале и картами Таро. Без помощи этих людей «Нова» светила бы куда тусклее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А ну, Мыш! Сыграй-ка нам чего-нибудь! — крикнул механик от стойки.

— С кораблями непруха, не берут? — подначил другой. — Хребетный разъем заржавеет. Давай изобрази нам.

Мыш перестал водить пальцем по ободку стакана. Хотел сказать «нет», почти сказал «да». И нахмурился.

Механики нахмурились тоже.

Он был старик.

Он был силач.

Мыш потянулся к краю стола, а отщепенец качнулся вперед. Бедро протаранило стойку. Длинные пальцы ног врезались в ножку стула; тот заплясал на плитняке.

Старик. Силач. Третье, что видел Мыш: слепец.

Он колыхался перед столиком Мыша. Взвилась рука; желтые ногти полоснули Мыша по щеке. (Паучьи лапы?)

— Эй, парень...

Мыш уставился на жемчужины за шершавыми моргающими веками.

— Эй, парень. Знаешь, каково это?

Наверняка слепец, думал Мыш. Двигается как слепец. Шея изогнута, голова выдается. И глаза...

Дедок размахнулся, поймал стул, дернул на себя. Не без скрипа уселся.

— Ты хоть *знаешь*, каково было *это* видеть, слышать, чуть-чуть... знаешь?

Мыш покачал головой; пальцы прошлись по его челюсти.

— Когда мы выдвигались, парень, триста Пляед блестели, что лужа жемчужного молока, по левому борту, а по правому было темнехонько. Корабль был мной; я был кораблем. Через

эти разъемы... — он стукнул запястными вставками о стол: *клац*, — я вштырился в крыль-проектор. Вдруг... — (щетина на лице дыбилась и опала в такт словам), — по самому центру тьмы — сплошной свет! Вдарил, зацапал наши глаза, пока мы лежали по проекторным, и не отпускает. Вселенную как разодрали, и в дырку ворвался белый день. От сенсор-потока не уйти. Не отвернуться. Ночь пятнали все цвета мира. Под конец — взрывные волны: стены пели! Магнитная индукция трясла корабль, нас едва не разнесло в щепу. А потом — поздняк метаться. Слеп. — Он плюхнулся на стул. — Я, парень, слеп. Только это смешная слепота: я тебя вижу. Я глух. Но заговори со мной, и я пойму почти все, что ты скажешь. Обонятельные нервы в основном закоротило в мозгу. То же с сопочками на языке. — (Ладонь распрямилась на щеке Мыша.) — Не чувствую твоей кожи. И тактильные нервные окончания убиты, мало что осталось. Гладкое у тебя лицо или колется да мозолится, как мое? — Он ощерил желтые зубы в ярко-красных деснах. — Старый Дан так смешно ослеп. — (Рука скользнула по жилету Мыша, прощупала шнуровку.) — Смешно, да. Чаще слепнут до черноты. В моих глазах — огонь. Вся лопнувшая звезда здесь, в голове. Свет хлестанул по палочкам-колбочкам сетчатки так, что те опомниться не могут, закупорил радужку, набил глазницы до отказа. Вот что я сейчас вижу. И вдруг ты — здесь очерчен, там подсвечен, солнечный призрак по ту сторону ада. Ты кто такой?

— Понтичос, — отозвался Мыш. Его голос — трение шерсти о песок. — Понтичос Провечи.

Лицо Дана исказилось.

— Тебя зовут... Что ты говоришь? В голове кавардак. В ушах засел хор, орет мне в череп двадцать шесть часов в сутки. Мозговые синапсы сочатся белым шумом, предсмертным хрипом — звезда все никак не загнетса. Сквозь этот гвалт я едва слышу твой голос, как эхо, когда кто-то кричит за сотню ярдов. — Дан кашлянул, резко выпрямился. — Ты откуда? — Стер пени с губ.

— Отсюда, из Дракона, — сказал Мыш. — С Земли.

— С Земли? Откуда именно? Америка? Из белого домика на улочке, засаженной деревьями, с великом в гараже?

Ну да, подумал Мыш. Слепой и еще глухой. Мыш говорил хорошо, но даже не пытался избавиться от акцента.

— Я-то. Из Австралии. Из белого домика. Жил под Мельбурном. Деревья. И велик. Но это было прорву лет назад. Прорву, чуешь, парень? Слышал об Австралии, на Земле?

— Бывал. — Мыш съезжился на стуле: как бы выскользнуть?

— Ну да. Вот так-то. Но да куда тебе, парень! Куда тебе понять, какво шкандыбать по жизни, сколько ее там осталось, с окопавшейся в башке новой, и помнить Мельбурн, помнить этот велик. Как, ты сказал, тебя звать?

Мыш стрельнул глазами: слева окно, справа дверь.

— Забыл. Гвалт звезды глушит все.

Механики, устав прислушиваться, отвернулись к стойке.

— Не запоминаю ни хрена!

За соседним столиком брюнетка возобновила карточную партию со спутником-блондином.

— Меня и к эскулапам водили! Те грят, если вырезать нервы, зрительный и слуховой, выскрести из мозгов по кусочку, рев, свет — могут перестать! *Могут?* — Дан поднес руки к лицу. — И тени мира, приходящие ко мне, — их тоже не будет. Имя! Как тебя зовут?

Слова толклись наготове во рту Мыша: «Простите, э? Мне пора».

Но Дан, кашлянув, зажал уши.

— Ааах! Свинский полет, псу под хвост, мухам в дышло! Корабль «Птица Рух», я служил киберштырем у капитана Лорка фон Рэя. Он провел нас, — Дан навалился на столешницу, — близехонько, — (большой палец трется об указательный), — к самому пеклу. И вернул домой. Хоть его кляни, хоть чертов иллирий, парень, кто б ты ни был. Откуда б ты ни был! — Дан гакнул, откинул голову; ладони подпрыгнули на столике.

Краткий взгляд бармена. Кто-то дозаказал выпивку. Бармен поджал губы, но, качая головой, отвернулся.

— Боль, — Дан клюнул подбородком, — когда живешь с ней долго, уже и не боль. Что-то еще. Лорк фон Рэй сошел с ума! Проволок нас по краешку могилы. И бросил меня, труп на девять десятых, здесь, на задах Солнечной. И куда-то дел-

ся... — Дан еле дышал. Что-то клокотало в его легких. — Куда деваться слепцу Дану? — Он вдруг схватился за края столика. — Куда деваться Дану!..

Стакан Мыша подскочил, кокнулся о плитку.

— Ну скажи мне!

Дан снова потрянул столик.

Бармен был уже в пути.

Дан встал, сбив с ножек стул, и потер глаза костяшками. Сделал два неловких шага по сверкающей звездной кляксе. Еще два. За ним потянулись бордовые следы.

Брюнетка охнула. Блондин сложил карты.

Один механик хотел было встать, второй его придержал.

Кулаки Дана ударили по створчатым дверям. Он исчез.

Мыш огляделся. Снова звон стекла, но тише. Бармен подключил к кисти метелку, машина шипела над пятнами грязи и крови.

— Выпьешь еще чего?

— Нет. — Из перекорезенной гортани Мыша вырвался шепот. — Нет. Я все. Он кто такой?

— Киберштырил на «Птице Рух». Битую неделю покоя не дает. Его отовсюду вышвыривают, едва сунется. Слушай, как вышло, что тебя никто не нанял?

— Я еще не ходил в звездогонку, — хрипло прошептал Мыш. — Два года как получил сертификат. С тех пор втыкал на мелком грузовом внутри Солнечной, по треугольнику.

— Я б тебе кучу всего насоветовал. — Бармен выдернул метелку из кистевого разъема. — Но сдержусь. Да пребудет с тобой Эштон Кларк. — Ухмыльнувшись, он вернулся за стойку.

Мышу стало не по себе. Заложив смуглый палец за кожаный ремешок на плече, он пошел к выходу.

— Э, Мыш, сыграй. Ну сыграй нам...

Двери сомкнулись за его спиной.

Скукоженное солнце подсвечивало горы зазубренной позолотой. Равнину рассеянно освещал Нептун, исполин небес. В полумиле громоздко расселись по ремонтным докам звездолеты.

Мыш зашагал вдоль вереницы баров, дешевых отелей, столовок. Безработен и подавлен, он успел помыкаться почти везде: играл за харчи, спал в углу чьей-нибудь комнатухи, когда звали развлекать ночную пирушку. Не такую жизнь обещал ему сертификат. Не этого Мыш хотел.

Он свернул на дощатый настил, огораживавший Пекло³.

Чтобы сделать поверхность спутника обитаемой, Комиссия Дракона разместила в недрах иллириевые печи — плавить лунное ядро. Температура на поверхности установилась как мягкой осенью, атмосферу стихийно генерируют скалы. Удерживает ее искусственная ионосфера. Другое проявление свежерасплавленного ядра — Пекла¹ до ⁵², вулканические щели в лунной коре. Пекло³ — шириной почти сто ярдов, вдвое глубже (на дне пылает пламенный червь), семь миль в длину. Каньон посверкивает и дымит в бледной ночи.

Мыш обходил бездну, щеку ласкал жаркий воздух. Мыш думал о слепом Дане. О ночи за Плутоном, за пределами звезд именем Дракон. Мышу было страшно. Он дотронулся до кожаной сумки на боку.

Эту сумку Мыш украл, когда ему было десять. Ее содержимое он возлюбил больше всего на свете.

В испуге убежал он прочь от музыкальных лавок под белыми сводами, дальше, дальше, меж вонючих замшевых палаток. Прижимая сумку к животу, перепрыгнул через картонку с пенковыми трубками, та опрокинулась, рассыпавшись по пыльной мостовой; проскочил под другой аркой, стрелой пролетел двадцать метров сквозь толпу, бурлившую на Золотой аллее, где бархатные витрины искрят светом и золотом. Огибая переминавшегося на месте мальчика, задел трехручный поднос: стаканы с чаем, чашки с кофе. Мыш увернулся, поднос скакнул вверх и вбок; чай и кофе дрогнули, но ничто не пролилось. Мыш все убежал.

Новый поворот — мимо холма расшитой остроносой обуви.

Когда парусиновые туфли шлепнули по разбитому настилу, взметнулась слякоть. Мыш замер, тяжело дыша, и поглядел вверх.

Своды кончились. Между домами плутала морось. Мыш сжал сумку, запястьем размазал влагу по лицу и пошел по петлявшей улочке.

Прогнившая, ребристая и черная, из-за парковки выступила обожженная Константинова башня. Мышь вышел на главную улицу, все вокруг спешили, шлепали по жижице на камнях. Там, где сумка жалась к коже, выступил пот.

В погожий день... Он бы прошмыгнул кратчайшим, по задам. Но сейчас держался большой улицы, прячась за монорельсом. Расталкивал дельцов, школяров, носильщиков.

По брусчатке загромыхали полозья. Мышь рискнул и запрыгнул на желтую подножку. Водитель ослабил — златокрапчатый полумесяц на смуглом лице — и сгонять не стал.

Десять минут спустя (сердце все колотится) Мышь спрыгнул и нырнул через двор Новой мечети. Под моросью кучка мужчин мыла ноги в каменных корытцах у стены. Две женщины вышли из дверей, обулись и заторопились по мерцающим ступеням, чтобы не слишком намокнуть.

Как-то Мышь спросил Лео: когда построили Новую мечеть? Рыбак из Федерации Плеяд — он вечно ходил на одну ногу босой — поскреб густую светлую шевелюру; они глазели на закоптелые стены, вздымающиеся к куполам и шпилястым минаретам.

— Лет назад тысячу, что ль. Но это предполагаю я.

Сейчас Мышь искал именно Лео.

Выбежав со двора, он завертелся между грузовиками, легковушками, долмушами и трамваями, что теснились перед въездом на мост. На переходе свернул под фонарем, юркнул в железные ворота и понесся вниз по лесенке. В жидкой грязи стукались друг о дружку лодчонки. Дальше колыхалась под свайными причалами и доками на подводных крыльях горчичная вода Золотого Рога. За входом в Рог, над Босфором, в тучах наметилась прореха.

Косые лучи ударили по кильватеру паррома, пахтавшего пролив в направлении другого континента. Мышь замер на ступеньках, уставился на сверкающий под гроздьями света пролив.

В туманной Азии поблескивали окна в стенах цвета песка. Начиналось действие, благодаря которому греки за две тысячи лет до того называли азиатскую часть города Хрисоподем — Золотым градом. Сегодня она звалась Ускюдар.

— Эй, Мышь!

Лео махнул ему с красной кренящейся палубы. Над своим суденышком рыбак соорудил навес, установил деревянные столы и расставил вокруг бочки, чтоб было на чем сидеть. В чане кипело на древнем, заляпанном смазкой генераторе черное масло. Рядом на желтом клеенчатом плаще помещался улов. Жабры за нижними челюстями проткнуты — голова всякой рыбы стала как багровый цветок.

— Эй, Мыш, у тебя чего?

В лучшую погоду здесь ели рыбаки, докеры и грузчики. Мыш перелез через поручень; Лео бросил в чан две рыбины. Масло извергло желтую пену.

— У меня... то, что ты говорил. Нашел... ну, кажется, эта штукавина, ты рассказывал. — Слова вырывались порциями: придыхание, запинка, снова придыхание.

Лео, получивший имя, волосы и коренастость от немецких дедушек-бабушек (а манеру говорить ему ссудило детство на рыбачьем берегу в мире, где ночи в десять раз звезднее земных), глядел растерянно. Когда Мыш предъявил кожаную сумку, растерянность сменилась удивлением.

Лео принял сумку в веснушчатые руки:

— Шутишь ты, не? Ты откуда...

На суденышко ступили двое рабочих. Лео заметил тревогу на лице Мыша и с турецкого перешел на греческий:

— Ты взял это откуда? — Он на всех языках строил фразы одинаково.

— Украл. — Ущербные голосовые связки исторгали слова вперемешку с хрипами, и все-таки в свои десять лет цыганенок-сирота говорил на полудюжине языков средиземноморского побережья беглее людей вроде Лео, усвоивших языки в гипнобуче.

Строители, грязные после работы с мотолопатами (хоть бы они не знали языков, кроме турецкого), сели за столик; масировали запястья, почесывали хребетные разъемы на поясице — туда втыкались большие машины. Крикнули, мол, неси рыбу.

Лео нагнулся и швырнул рыбины в чан. Порхнуло серебром, взрыкнуло масло.

Облокотившись о поручень, Лео потянул за шнурок.

— Да. — Он цедил слова потихоньку. — Один на Земле хоть, здесь тем более, не знал, что есть я. Взятся откуда?

— С базара, — объяснил Мыш. — Если уж что есть на Земле, оно есть на Гранд-базаре. — Он процитировал присказку, что влекла в Царицу городов миллионы за миллионами.

— Говорят так, — сказал Лео. И снова по-турецки: — Господам обедать этим подашь ты.

Мыш схватил черпак, разбросал рыбу по пластиковым тарелкам. Утонувшее в серебре вынырнуло золотым. Мужики вытащили по кусу хлеба из корзинок под столиком и принялись есть руками.

Мыш выловил из масла еще две рыбы и принес их Лео — тот все сидел на поручне и улыбался в сумку.

— Связный из этой образ извлеку штуки ли? Не знаю. Как ходил во Внешних на метанокальмара Колониях, с тех пор такого в руки не брал ничего. Но играть умел неплохо тогда. — Сумка опала, и Лео вдохнул сквозь зубы. — Красота же какая!

То, что лежало у него на коленях в складках кожаной сумки, могло быть арфой, а могло — компьютером. С индуктивными панелями, как у терменвокса, с ладами, как у гитары, с короткими бурдонами на боку, как у ситара. На другом боку — удлиненные басовые бурдоны гитарины. Детали вырезаны из палисандра. Выплавлены из нержавеющей стали. С вкраплениями черного пластика, с подушечкой из плюша.

Лео перевернул инструмент.

Прореха в облаках увеличилась.

Солнце пронеслось по шлифованному зерну, вспыхнуло в металле.

Работяги за столиком постукали монетами, скопились. Лео кивнул. Бросив деньги на сальную столешницу, они, озадаченные, покинули суденышко.

Лео потыкал в панель управления. Хрустальный звон. Воздушная рябь; и сквозь вонь — влажные веревки с гудроном — прорезался аромат... орхидей? Давным-давно, Мышу было лет пять или шесть, он нюхал дикие орхидеи в придорожных полях. (Там была большая женщина в ситцевой юбке, наверное мама, и трое босых мужчин с пышными усами, одного из них Мышу велено было звать папой; но это было в какой-то другой стране...) Да, орхидеи.

Лео шевельнул рукой; рябь перешла в сияние. Из воздуха пролилась белизна, сплавленная с лазурным светом из источника где-то между Мышом и Лео. Аромат увлажнился до запаха роз.

— Работает! — проскрипел Мыш.

Лео кивнул:

— Лучше того, что прежде я имел. Батарейка новехонькая иллириевая почти что. На таковских на лодке играл обычно я, как играть, верно, не забыл. — Его лоб избородили морщины. — Не очень хорошо, пробовать если. Давненько без практики я. — Смущение преобразило рыбака, таким Мыш его еще не видел. Пальцы Лео потянулись к ручке настройки.

Там, где воздух напоился белизной, свечение обрело форму; женщина обернулась, взглянула на них через плечо.

Мыш моргнул.

Женщина просвечивала; но насколько же реальной делало ее усилие, с которым Мыш вглядывался в подбородок, плечо, ногу, лицо, пока она, рассмеявшись и развернувшись, не швырнула в него внезапные цветы. Мыш нырнул под лепестки и зажмурился. Дышал в обычном ритме, но тут, вдохнув, не смог остановиться. Ловил аромат разинутым ртом, втягивал воздух круто распластавшейся по нижним ребрам диафрагмой. Под грудиной вспыхнула арка боли, и Мыш выдохнул — нехотя. Резко. Вдох возвращался медленно...

Мыш открыл глаза.

Масло, желтые воды Рога, тина; а цветения в воздухе как не бывало. Опершись обуютой ногой на нижний трос леера, Лео возился с рукояткой.

Она исчезла.

— Но... — Мыш сделал шаг, замер, балансируя на носках, в горле булькало. — Как?..

Лео взглянул на него:

— Заржавел же я! Когда-то играл я отлично. Давно очень. Давным-давно. Тогда, тогда умел на этой я штуке играть.

— Лео... ты умел?.. Ты же говорил, что... я не знал... я думал, ты...

— Что?

— Научи! Можешь научить... меня?

Лео смотрел на ошеломленного цыганенка, с которым подружился здесь, среди доков, рассказывая о скитаниях по портам и океанам десятка миров. Озадачился.

Пальцы Мыша зашевелились.

— Лео, покажи! Ты должен показать! — Пока Мыш подыскивал слова, сознание перескочило с александрийского арабского на берберский и остановилось на итальянском. — *Беллиссимо, Лео! Беллиссимо!*

— Ну... — Жадность мальчугана породила в Лео то, что могло бы быть страхом, будь Лео привычнее к страху.

Мыш глядел на украденное с ужасом и благоговением.

— Покажешь мне, как на нем играть?

Тут Мыш расхрабрился не на шутку. Осторожно взял инструмент с колен Лео. А Мыш жил со страхом всю свою краткую кроеную жизнь.

Однако, заполучив чаемое, стал затейливым путем приходить в себя. Изумленный Мыш вертел сенсор-сирингу так и этак.

В начале слякотной улочки, что вьется вверх по холму за железными воротами, Мыш подрабатывал — носил по ночам подносы с кофе и салепом из чайханы сквозь стада мужчин, бродивших туда-сюда у узких стеклянных дверей и приседавших, чтобы поглазеть на ждущих внутри женщин.

Теперь Мыш все чаще и все больше опаздывал. Оставался на суденышке сколько мог. Вдоль доков в милю длиной перемигивались огни гавани, мерцала сквозь туман Азия, а Лео показывал Мышу, где в отполированной сиринге прячутся всякий проецируемый аромат и цвет, всякая форма и текстура, всякое движение. Глаза и руки Мыша приноравливались.

Через два года, когда Лео объявил, что продал суденышко и думает лететь на другой конец Дракона, может, на Новый Марс, ловить пыльных скатов, Мыш уже мог превзойти дешевую иллюзию, что Лео показал в первый раз.

Через месяц и Мыш покинул Стамбул: дождался под мокрыми камнями Эдирнекапы грузовика, что согласился подбросить его до пограничной Ипсалы. Перешел границу с Грецией, прибил к цыганам, колесившим в красной кибитке, и за время путешествия вернулся к родному цыганскому. В Турции он

пробыл три года. Уезжая, кроме того, что было на нем, взял лишь толстое серебряное разборное кольцо, слишком большое для его пальцев, — и шприцу.

Через два с половиной года он уезжал из Греции, и кольцо оставалось при нем. Мыш на три четверти дюйма отрастил ноготь на мизинце, как другие мальчишки, что работали на грязных улицах за блошиным рынком Монастираки — торговали ковриками, латунными безделицами, всем, что покупают туристы, у внешней стенки геодезического купола, накрывшего квадратную милю Афинского рынка, — и не расставался с шприком.

Круизный лайнер, куда Мыш поступил матросом, шел из Пирея в Порт-Саид; одолев канал, он направился в порт приписки, в Мельбурн.

На пути оттуда, на сей раз в Бомбей, Мыш развлекал публику в судовом ночном клубе: Понтичос Провечи, воссоздаю великие произведения искусства, музыкальные и визуальные, все для вас, под ароматический аккомпанемент. В Бомбее он уволился с судна, напился (ему уже было шестнадцать), шлялся при луне по грязному пирсу; его колотило и тошнило. Он поклялся в жизни не играть чисто для денег. («Эй, парень! Изобрази мозаику на потолке Айя-Софии, а потом фриз Парфенона — и чтоб оно все плясало!») В Австралию вернулся матросом. Сошел на берег с разборным кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие экватор в Индийском океане, имеют право на такую серьгу вот уже пятнадцать веков. Стюард, приложив лед, проколол Мышу мочку парусной иглой. С шприком Мыш не расставался.

Вернувшись в Мельбурн, играл на улицах. Проводил кучу времени в кофейне, куда заходили ребята из Академии астронавтов имени Купера. Двадцатилетняя девушка, с которой он жил, сказала, может, ему стоит походить на кое-какие лекции.

— Вставь втыки, чего ты. Все равно в итоге вставишь, а так освоился бы, чтоб не только на заводе вкалывать. Тебе нравится путешествовать. Чем командовать мусоровозом, лучше гонять звезды, нет?

Когда Мыш порвал с девушкой и уехал из Австралии, у него был сертификат киберштыря между- и внутрисистемных

кораблей. Он не расстался с золотой серьгой, ногтем на мизинце, разборным кольцом — и сирингой.

Только и с сертификатом наняться в звездогонку напрямик с Земли сложновато. Пару лет Мыш втыкал на скромном коммерческом рейсе в Зыбучем Треугольнике: с Земли на Марс, с Марса на Ганимед, с Ганимеда на Землю. Но теперь черные глаза горели звездами. Через неделю после восемнадцатого дня рождения (ну то есть дня, о котором они с девушкой договорились в Мельбурне, что это будет его день рождения) Мыш космостопом добрался до самой большой луны Нептуна, откуда крупные торговцы слали корабли на миры по всему Дракону, в Федерацию Плеяд и даже Внешние Колонии.

Разборное кольцо сидело на пальце как влитое.

Мыш брел мимо Пекла³: обутая нога поклацывает, босая нет (так в другом городе на другой планете ходил когда-то Лео). То был последний усвоенный за время пути обычай. Те, кто пашет в межпланетных при невесомости, развивают проворство пальцев хоть одной ноги, а иногда и обеих, пока те не сравняются по умелости с руками земляных салаг, да и потом оставляют одну ногу голой. На межзвездных коммерческих судах есть искусственная гравитация, там этот обычай не прижился.

Когда Мыш шагнул под платан, листва взревела на теплом ветру. Задел что-то плечом. Пошатнулся, был изловлен и перекручен.

— Ах ты, корявый краснорожий щенок...

Рука вцепилась в плечо и отставила Мыша на свою длину. Мыш поднял глаза на моргавшего великана.

Это лицо кто-то пытался рубить. Косой шрам бежал от подбородка по границе тяжелых выступающих губ через мышцы щеки — желтый глаз выжил чудом — и рассекал левую бровь. Там, где он исчезал в рыжих негритянских волосах, пылало пламя бархатистой желтизны. Плоть обступала шрам, как чеканная медь — бронзовый прожилок.

— Парень, куда прешь?

— Простите...

На жилете великана красовался офицерский золотой диск.

— Я, верно, не смотрел...

Масса мышц на лбу пришла в движение. Жевательные мускулы напряглись. За фасадом лица рождался отрывочный звук. Смех, громкий и высокомерный.

Мыш сквозь злость улыбнулся:

— Я, верно, не смотрел, куда шел.

— Уж верно, не смотрел.

Ручища упала на плечо дважды. Капитан кивнул и удалился.

В замешательстве и тревоге Мыш двинулся дальше.

Замер, оглянулся. Золотой диск на левом плече капитанского жилета бугрился именем «Лорк фон Рэй». Мыш тронул сумку под мышкой.

Отбросил упавшие на лоб черные волосы, огляделся и вскарабкался на ограду. Зацепился обувью и босой ногами за нижнюю перекладину, достал шприцу.

Наполовину расшнуровав жилет, Мыш обнял инструмент, а тот коснулся мелких рельефных мышц на груди. Мыш опустил голову; длинные ресницы сомкнулись. Его рука, кольцо и лезвие, парила над индукционными гранями.

Воздух наполнился испуганными образами...

Глава вторая

Кейтин, длинный и блистательный, волочился к Пеклу³, глаза долу, душой на вышних лунах.

— Эй, парень!

— А?

Небритый отщепенец прислонился к ограде, вцепившись в нее облупленными руками.

— Ты откуда? — Глаза у отщепенца затуманены.

— С Селены, — сказал Кейтин.

— Из белого домика на улочке, засаженной деревьями, с великом в гараже? У меня был велик.

— Мой домик зеленый, — сказал Кейтин. — И под воздушным куполом. Но велик был, да.

Отщепенец качнулся у ограды:

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь.

К безумцам надо прислушиваться, думал Кейтин. Они встречаются все реже. Не забыть бы сделать заметку.

— Так давно это было... так давно! — Старик зашатался прочь.

Кейтин потряс головой и продолжил путь.

Кейтин был застенчив и абсурдно высок; почти шесть футов девять дюймов. Вымахал к шестнадцати. Так и не поверив в свой рост, и через десять лет норовил ссутулиться. Он заткнул за пояс шорт большущие руки. Зашагал, взмахивая локтями.

И вернулся мыслями к лунам.

Кейтин, *луно*рожденный, луны любил. Он всегда жил на лунах, если не считать времени, на которое убедил родителей, стенографов при Палатах Дракона на Селене, отпустить его получить университетское образование на Землю, в центр уче-

ния загадочного и неисповедимого Запада, Гарвардский университет, ныне и присно обитель богатеев, эксцентриков и умниц, — Кейтин входил в последние две категории.

О том, сколь разной может быть планетная поверхность, от холодно-равнодушных гималайских вершин до дюн Сахары, обжигающих до волдырей, он слышал, но не более. Ледяные леса лишайников на марсианских полярных шапках и ревущие песчаные реки экватора Красной планеты; меркурианская ночь против меркурианского дня — все это Кейтин познавал через психорамы о путешествиях.

Не это Кейтин знал, не это он любил.

Луны?

Луны — малы. Лунная краса — в вариациях одинаковости.

Из Гарварда Кейтин вернулся на Селену, а оттуда уехал на Станцию Фобос, где втыкал в ассортимент звукозаписывающих устройств, маломощных компьютеров и адресографов: вознесенный до звезд деловод. В свободное время, облачившись в комбинезон с поляризованными линзами, он обследовал Фобос, пока Деймос, яркая каменюка шириной в десять миль, болталась у пугающе близкого горизонта. В конце концов он собрал отряд для высадки на Деймосе и изучил крошечную луну, как только можно изучить малый мирок. Затем перенесся на спутники Юпитера. Ио, Европа, Ганимед, Каллисто вращались на его светло-карих глазах. Луны Сатурна при рассеянном освещении колец вертелись под отшельническим взглядом, когда он выбирался из станционных барачков. Он изучал серые кратеры, серые горы, долины и каньоны сквозь дни и ночи слепящего изнеможения. Луны все одинаковы?

Закинь Кейтина на любую из них и развяжи вдруг глаза, он бы сразу определил, где оказался, по кристаллической формации, петрологической структуре и общей топографии. Дылда Кейтин привык распознавать малейшие нюансы ландшафта и личности. Страсти, рождаемые многообразием целого мира или цельного человека, были ему ведомы... но неприятны.

С этим неприятием он разбирался двояко.

Если говорить о внутренних проявлениях, Кейтин сочинял роман.

С пояса свешивался на цепочке украшенный драгоценностями записчик, который родители подарили Кейтину, когда

тот поступил в универ с правом на стипендию. На сегодня записчик содержал заметки на сотню тысяч слов. Кейтин еще не приступал к первой главе.

Если говорить о внешних проявлениях, он выбрал замкнутую жизнь ниже возможностей, даруемых его образованием, и даже не особо в ладу с темпераментом. Постепенно он отдалялся от центра человеческой деятельности, которым для него оставался мир под названием Земля. Всего месяц назад окончил курсы киберштырей. И прибыл на луну Нептуна — последнюю луну любого размера в Солнечной системе — этим утром.

Его каштановая шевелюра шелковиста, растрепана и достаточной длины, чтобы ухватиться в драке (если дотянетесь). Его руки за поясом мнут плоский живот. Выйдя на дорожку, он останавливается. Кто-то сидит на ограде и играет на сенсор-сиринге.

Несколько человек, замерев, глазют на зрелище.

Цвет узорами фуги разливается в воздухе; дуновение глотает образ и опадает, творя следующий: изумруд поярче, аметист поглуше. Ароматы затапливают ветер уксусом, снегом, океаном, имбирем, маком, ромом. Осень, океан, имбирь, океан, осень; океан, океан, вновь клочкотание океана, и пенится свет в тусклой сини, подсвечивающей лицо Мыша. Сочатся потихоньку электрические арпеджио новой раги.

Взобравшись на ограду, Мыш глядел в мешанину образов, наслоений схлопывающихся светлых взрывов, на свои смуглые пальцы, скачущие по ладам; по тыльной стороне рук тек свет из машины. И пальцы падали. Образы так и порскали из-под ладоней.

Собрался десяток зевак. Они помаргивали; вертели головами. Свет из иллюзии барабанил по кровле глазниц, струями очерчивал рты, забивался в теснины бороздчатых лбов. Женщина потеряла ухо, кашлянула. Мужчина похлопал по донцу карманов.

Кейтин глядел сверху вниз на группу голов.

Кто-то протолкался вперед. Не прекращая играть, Мыш поднял глаза.

Слепец Дан вывалился из сборища, подвис, поковылял дальше сквозь пламя сиринги.

- Эй, ты чего, а ну пшел...
- Старик, двигай, нечего тут...
- Нам не видно, что творит пацан...

Посреди Мышова творения Дан раскачивался, дергая головой.

Мыш усмехнулся; смуглая рука сжала проекционную рукоятку, и свет, звуки, запахи сдулись вокруг единственного дивного демона, что, стоя перед Даном, блял, корчил рожи, бил чешуйчатыми переливчатыми крыльями. Он ревел трубой, гримасничал, его лицо стало как лицо Дана, но с третьим вращающимся глазом.

Люди засмеялись.

Призрак подпрыгнул и уселся на пальцах Мыша. Цыган злорадно осклабился.

Дан, вихляясь, подался вперед, рука хлестнула по воздуху.

Взвизгнув, демон извернулся, перегнулся. Свистнуло, будто открыли дребезжащий клапан, и зрители — теперь уже два десятка — застонали от вони.

У Кейтина, прислонившегося к оgrade близ Мыша, от стыда прижгло шею.

Демон выделялся.

Тогда Кейтин, дотянувшись, прикрыл ладонью поле визуальной индукции, и образ поблек.

Мыш пронзил его взглядом:

— Эй!..

— Не надо этого делать, — сказал Кейтин, погребая плечо Мыша под своей ручищей.

— Он же слеп, — сказал Мыш. — Не видит, не чувствует... не понимает, что происходит... — Черные брови поникли. Но играть Мыш перестал.

Дан стоял, обступлен толпой, которую не видел. Вдруг завизжал. И опять. Визг бурлил в его легких. Люди отпрянули. Мыш и Кейтин оба глядели на хлещущую воздух руку.

В темно-синем жилете с золотым диском, при шраме, пылавшем под огненным клеймом, из скопища выдвинулся капитан Лорк фон Рэй.

Дан узнал его сквозь слепоту. Развернулся и поковылял прочь из круга. Оттолкнув одного, двинув запястьем по плечу второй, исчез в толкучке.

Дан ушел, сиринга смолкла, внимание переключилось на капитана. Фон Рэй шлепнул себя по бедру, на черных брюках ладонь скрипнула половицей.

— Хорош! Чего разорались?

Голос гремел.

— Я пришел набрать команду киберштырей на долгий рейс, видимо по внутреннему рукаву. — Горят жизнью желтые глаза. Капитан ухмыляется всем лицом под ржаво-жесткими волосами, вокруг налитого шрама. Однако на то, чтоб считать эмоцию с искаженных губ и лба, уйдут секунды. — Ну, кто из вас сопутствует мне на полпути до края ночи? Вы пескоброды или звездоходы? Ты! — Он указал на Мыша, по-прежнему на ограде. — Хочешь со мной?

Мыш спрыгнул:

— Я?

— Ты — со своей адской пиликалкой! Коли будешь смотреть, куда идешь, — вперед: мне нужен кто-то, чтоб жонглировать воздухом перед глазами и щекотать мочки. Решайся.

Улыбка пробежала от зубов Мыша к уголкам рта.

— А то. — И пропала. — Лечу. — Юный цыган вещал пропитым шепотом старика. — Да, капитан, лечу.

Мыш кивнул, и над вулканической расщелиной сверкнула золотая серьга. Горячий ветерок пронесся над оградой, сбив черные пряди.

— Есть у тебя товарищ, с кем хочешь гонять звезды? Мне нужна команда.

Мыш, которому на этом дrome никто особо не нравился, глянул исподлобья на высокого юношу, что прекратил издевательство над Даном.

— Как насчет коротышки? — Ткнул большим пальцем в удивленного Кейтина. — Не знаю, кто он, но товарищ что надо.

— И отлично. Значит, у меня вас... — капитан фон Рэй на миг сощурился, составляя описание Кейтина: покатые плечи, узкая грудь, высокие скулы, карие, в медных крапинках, слишком водянистые глаза, неопределенные края радужек, размытые за контактными линзами, — двое.

Уши Кейтина потеплели.

— Кто еще? В чем дело? Страшитесь вылезти из полудохлого колодца гравитации, тоскующего по козявке солнца? —

Он указал подбородком на подсвеченные горы. — Кто с нами туда, где на веки вечные ночь, а утро только снится?

Шагнул вперед человек. Кожа цвета императорского винограда, длинноголовый, мордатый.

— Я б слетал. — Когда он говорил, перекачивались мышцы на челюстях и пушистом черепе.

— Товарищ есть?

Вышел второй. Плоть полупрозрачная, как мыло. Волосы — белая шерстка. Схожесть бросалась в глаза не сразу. Те же заостренные полумесяцем уголки полных губ, тот же излом на вершинах выдающихся скул: близнецы. Второй повернул голову, и Мыш увидел мигающие глаза, розовые, подернутые серебром.

Альбинос уронил широкую кисть — ворох костяшек и пороботяжки искромсанных ногтей, скрепленный с предплечьем толстыми кабелями синюшных вен, — на черное плечо брата:

— Мы летим вместе.

Их голоса, тягучие от колониальной манерности, были идентичны.

— Кто еще? — Капитан фон Рэй оглядел толпу.

— Меня, капитан, взять вы хотите?

Мужчина протолкался поближе.

На его плече билось нечто.

Желтые волосы трепало ветром не из пропасти. Влажные крылья морщились и распрямлялись, подобные ониксу и желатину. Мужчина потянулся к заузленному плечу с эполетом черных когтей и погладил эти абордажные подушечки лопатообразным пальцем.

— Есть еще товарищ, кроме зверька?

Сжав его руку в своей, крошечной, отставая от него на два шага, она вышла вперед.

Ивовая ветвь? Птичье крыло? Бриз в весенних камышах? Мыш обыскал склад образов, ища что-либо равное кротости ее лица. Пусто.

Глаза — цвета стали. Маленькая грудь вздувает шнуровку жилета, ровная, как дыхание. Сталь вдруг просияла; женщина огляделась. (Сильная женщина, подумал Кейтин — он распознавал такие тонкости.)

СОДЕРЖАНИЕ

НОВА

Перевод Н. Караева

Глава первая	9
Глава вторая	22
Глава третья	44
Глава четвертая	103
Глава пятая	135
Глава шестая	175
Глава седьмая	211

ДА, И ГОМОРРА

Звездная Станция. <i>Перевод Т. Боровиковой</i>	241
Корона. <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	314
Да, и Гоморра... <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	335
Стеклышки, обточенные морем. <i>Перевод Т. Боровиковой</i>	348
Мы, силою неведомой гонимы, по линии начертанной идем <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	369
Медная клеть. <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	429
Город Большого хребта. <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	441
Время как спираль из полудрагоценных камней <i>Перевод Г. Корчагина</i>	463
Омегахелм. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	506
Среди Масс. <i>Перевод Т. Боровиковой</i>	518
Шпалера. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	525
Призматика. <i>Перевод С. Силаковой</i>	530
Руины. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	565

Содержание

Собака в рыбачьей сети. <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	575
Ночь и возлюбленные Джо Дикостанцо <i>Перевод В. Кучерявкина</i>	598
Послесловие: о снах и сомнениях <i>Перевод Т. Боровиковой</i>	620
Примечания. <i>Т. Боровикова, Е. Доброхотова-Майкова, М. Клеветенко, Г. Корчагин</i>	633

Дилэни С.

Д 46 Нова ; Да, и Гоморра : роман, повести, рассказы / Сэмюел Дилэни ; пер. с англ. Т. Боровиковой, Н. Караева, М. Клеветенко и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15999-0

Сэмюел Дилэни — ярчайшая звезда фантастики XX века, один из символов американской «новой волны» наряду с Урсулой Ле Гуин и Роджером Желязны и один из ее тончайших стилистов, лауреат обильного урожая главных жанровых премий: четыре «Небьюлы» и «Хьюго» — и все это, когда ему еще и не исполнилось 27 лет. Данная книга содержит самый яркий роман его классического периода — «Нова», заложивший один из кирпичиков того, что через полтора десятилетия стало киберпанком, а также практически полное собрание короткой формы мастера — самую позднюю, расширенную версию авторского сборника «Да, и Гоморра»; роман представлен в новом переводе, многие рассказы и повести публикуются по-русски впервые, остальные — в новой редакции. Вместе с Лорком фон Рэем и киберштырями «Птицы Рух» вы нырнете в сердце коллапсирующей звезды, на Звездной Станции у края галактики проводите в бесконечную ночь золотых детей, и, обзаведясь жабрами и перепонками, погрузитесь в океанские глубины, и ощутите время как спираль из полудрагоценных камней...

«Дилэни — не просто один из лучших фантастов современности, но и выдающийся литератор вообще говоря, изобретатель собственного неповторимого стиля» (Умберто Эко).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

СЭМЮЕЛ ДИЛЭНИ
НОВА
•
ДА, И ГОМОРРА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редакторы Анастасия Грызунова, Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.06.2021. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AFA-24413-01-R